



дело  
отца  
Алексея

Максим Артемьев

# Максим Артемьев

## Дело отца Алексея

*<https://litres.ru/74081899>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

В Спасском районе есть старый храм XVII века, в котором служит молодой священник отец Алексей. Он не читает длинных проповедей, но каждый день приходит в сельскую больницу — сидеть у постели больных, слушать, молчать и замечать то, что другие не видят.

Его дар — не в чудесах, а в удивительной внимательности к деталям. Но однажды ночное видение заставляет его взглянуть на привычные вещи иначе.

Вскоре к нему начинают приходиться те, кто отчаялся найти правду. Потому что иногда только священник может услышать то, что не говорят вслух.

Каждая глава — новая история. Каждое дело — случайность или Божий промысел?

# Содержание

|   |    |
|---|----|
| Глава 1. Храм, больница и тихий человек         | 4  |
| Глава 2 . Запах машинного масла и старой соломы | 11 |
| Конец ознакомительного фрагмента.               | 24 |

# Максим Артемьев

## Дело отца Алексея

### Глава 1. Храм, больница и тихий человек

Церковь Святого Николая стояла на холме, и к ней вели три десятка выщербленных каменных ступеней, которые помнили ещё XVII век. Когда-то здесь был богатый монастырский подворье, но время и революция сделали своё дело: от былого величия остались только толстые стены из грубо тёсаного известняка да узкие оконца-бойницы, в которые сейчас смотрело вечернее солнце.

Храм требовал ремонта. Это было видно сразу: на северной стене зияла глубокая трещина, которую пытались замазать цементом, но раствор уже начал сыпаться, обнажая древнюю кладку. Старая черепица на куполах местами осыпалась, и сквозь неё пробивался мох. Деревянные двери, массивные, окованные почерневшим железом, скрипели при каждом открытии, как старые кости. Внутри пахло ладаном, старым деревом и ещё чем-то неуловимым — можжевельником, может быть, или просто вековой пылью, осевшей на иконах.

Но те, кто переступал порог, редко замечали эти изъяны. Потому что внутри было тепло. Не от печей — от тишины. От золотого света, струящегося сквозь небольшие оконца в алтаре. От икон, почерневших от времени, но смотрящих с такой живой любовью, что казалось, будто святые здесь не просто нарисованы, а живут в этих стенах.

Бог здесь был. Ощутимо, густо, как тот самый запах старого воска. Он был в каждой выщерблине на полу, в каждой свечной капельке, в каждом вздохе прихожан, которые приходили сюда не по привычке, а по зову.

Отец Алексей появился здесь весной. Ему было тридцать два, но выглядел он моложе — может быть, из-за открытого, почти мальчишеского взгляда, а может, из-за того, как он улыбался: негромко, чуть смущённо, словно извиняясь за свой сан. Он был высоким, худощавым, с лёгкой рыжеватой бородкой и руками, которые не знали чёрной работы, но умели быть тёплыми и мягкими, когда он держал крест или клал ладонь на плечо плачущей старухи.

Образование он получил в семинарии, но читал не только богословские книги. На его столе в алтарной комнате лежал томик Чехова, рядом — медицинская энциклопедия, купленная на сельской ярмарке, и потрёпанный сборник рассказов Конан Дойля, который он перечитывал уже в третий раз. Он любил детали. Любил разглядывать мир сквозь увеличительное стекло внимания — не для того, чтобы осуждать, а чтобы понять.

«Бог в мелочах», — говорил он иногда своим прихожанам. — «Если мы научимся видеть малое, мы поймём великое».

И это было не просто красивое слово. Он действительно умел видеть. Замечал, когда у старой Матрёны заболели суставы, и приносил ей мазь. Замечал, когда у школьного учителя на лице появлялась усталая складка, и заводил с ним разговор о книгах, чтобы отвлечь. Замечал, когда в церкви появлялся чужой человек и стоял в углу, не решаясь подойти к свечному ящику.

Так он пришёл и в больницу. Сначала — с просьбой к главврачу разрешить ему навещать тяжелобольных. Главврач, грузный и вечно занятый, махнул рукой: «Ходите, если больные не против». И отец Алексей стал ходить. Сначала раз в неделю, потом через день, потом почти каждый день.

В больнице к нему привыкли быстро, хотя поначалу косились. Сельские медсёстры, народ прямой и недоверчивый, ждали от него либо нравоучений, либо занудных молитв. Но он не нравоучил. Он приходил, снимал в гардеробе свою рясу (она была слишком торжественной для больничных коридоров), надевал простое тёмное пальто и шёл по палатам.

В палатах он садился на край койки, брал руку больного, если тот позволял, и молчал. Иногда читал тихие молитвы, но чаще просто слушал. И люди вдруг начинали говорить — о боли, о страхе, о том, что их мучило годами и что они не решались сказать даже врачам.

— Вы как исповедник, — сказала ему однажды пожилая медсестра Мария Игнатьевна. — Только без слов.

Алексей улыбнулся. — Слова иногда мешают, Мария Игнатьевна. Главное — быть рядом.

Она недоверчиво хмыкнула, но вскоре привыкла. И даже начала замечать, что после его визитов больные спят крепче, а те, кто безнадежен, уходят тише, без страха.

Самым сложным для отца Алексея в больнице были не болезни, а человеческая слепота. Он видел, как врачи устают и перестают замечать детали. Как медсёстры, загруженные работой, пропускают важное. Как полиция, когда случалось что-то криминальное, часто отмахивалась — «деревня, сами разберутся».

Он не лез. Пока не лез. Потому что считал, что его дело — душа, а не сыск. Но иногда, помимо его воли, перед глазами всплывали детали, которые не давали покоя. Странный порез на руке парня, которого привезли с "несчастливым случаем". Чужая обувь у человека, который якобы упал с лестницы. Слишком дорогое кольцо на пальце женщины, которую нашли в кювете.

Он замечал это, и внутри что-то ёкало. Но он гасил это чувство, считая его гордыней. «Моё дело — молитва, — повторял он себе. — Моё дело — утешение. А правду пусть ищут те, кому положено».

В тот вечер он задержался у постели молодого механизатора Серёжи. Парень был веснушчатый, сбитый, пахло от

него сеном и машинным маслом. Он приехал с перебинтованной головой и рваной раной на спине — упал с сеновала, говорили врачи. Но отец Алексей, сидя рядом и слушая, как парень бормочет во сне, вдруг заметил, что на запястье Серёжи есть странная царапина — ровная, будто от пластикового хомута. А на куртке, висевшей на стуле, был не просто разрыв от падения, а аккуратный, почти хирургический порез на спине, которого быть не могло при падении на сено.

Алексей перевёл взгляд на лицо парня. Под глазами — тёмные круги, каких не бывает просто от ушиба. В углах рта — крошечные трещинки, будто ему затыкали рот тряпкой.

Он замер. Внутри шевельнулось тревожное чувство, с которым он боролся уже несколько недель. С тех пор как ему начали сниться странные сны. В этих снах были коридоры, тусклый свет, и чьи-то руки, связанные за спиной. Он просыпался с молитвой на губах и долго не мог заснуть, чувствуя, что где-то в реальности происходит что-то, что требует его внимания.

Он посмотрел на Серёжу, на его порез, на разорванную куртку. Потом перекрестил парня, тихо прочитал «Отче наш» и вышел из палаты.

В коридоре он столкнулся с Верой Павловной. Хирург стояла, прислонившись к стене, и курила в открытую форточку — запретное удовольствие, которое она позволяла себе только когда никто не видел.

— Опять у этого парня сидите? — спросила она без ин-

тереса. — Спит он, не переживайте.

— Вера Павловна, — тихо сказал Алексей. — Вы не заметили... у него на запястье след? И на спине куртки разрез... не от падения.

Вера Павловна устало посмотрела на него. — Отец Алексей, я хирург, а не следователь. Полиция уже была, записали «несчастный случай». И знаете что? Это их работа. А наша — лечить. Давайте не будем искать то, чего нет. У нас и так работы хватает.

Она затаилась, выпустила дым в ночное небо и ушла в ординаторскую.

Алексей остался один. Он вышел на крыльцо больницы. Ночь стояла тёплая, звёздная, пахло мокрой травой и увядающими цветами с клумбы. Он смотрел на небо и молился — не словами, а всей тишиной внутри.

«Господи, — шептал он мысленно. — Я не хочу быть тем, кто судит. Я хочу быть тем, кто помогает. Но если Ты хочешь, чтобы я увидел больше — дай мне знак. Не для того, чтобы я гордился, а чтобы я мог остановить зло, которое прячется за спинами уставших людей».

Он закрыл глаза. И в тот же миг перед ним вспыхнула картина: длинный белый коридор, жёлтый свет лампы, и он, отец Алексей, стоит перед закрытой дверью, а за ней — чей-то сдавленный, полузадушенный крик. И он знает, что должен открыть эту дверь.

Он вздрогнул и открыл глаза. Звёзды висели на своих ме-

стах, трава пахла так же, и больница молчала.

— Значит, так, — тихо сказал он себе. — Я буду ждать.  
Когда Ты скажешь — я пойду.

Он перекрестился и медленно пошёл домой, к старой церкви, которая ждала его с открытыми дверями и тёплым светом лампад. Там, под сводами XVII века, где пахло воском и вечностью, он знал, что его услышат.

А пока — только ночь, тишина и ровное дыхание больных, которые верили ему. Этого было достаточно, чтобы оставаться человеком. Но внутри уже зрело что-то новое — то, чему суждено было изменить не только его жизнь, но и жизнь всего Спасского района.

## Глава 2 . Запах машинного масла и старой соломы

Сон пришёл под утро, тяжёлый и вязкий, как туман над рекой.

Отец Алексей стоял в темноте. Воздух был густым от запаха машинного масла, сырости и прелой соломы. Где-то впереди, за массивной дверью с облупившейся краской, слышался тот самый звук — не крик, скорее, сдавленный, хриплый стон человека, который давно уже потерял надежду, что его услышат. Алексей тянулся к ручке, но его руки вдруг становились неподъёмными, а дверь уходила всё дальше в темноту коридора. Он хотел позвать кого-нибудь, но голос не слушался. И тогда он понял — за этой дверью кто-то умирает. И это его вина.

Он открыл глаза с тихим вскриком.

В маленьком домике было серо и тихо. Печка, которую он с вечера не успел как следует протопить, уже остыла, и от неё тянуло лёгкой прохладой. За окном только начинало светать, и в углу, где стоял старый киот с потемневшими иконами, тускло поблёскивала лампадка — он забыл её погасить, уходя вечером в храм. На столе, рядом с томиком Чехова и недопитым стаканом чая, лежал нательный крест, который

он снял перед сном.

Сердце колотилось. Алексей провёл ладонью по лицу — пальцы были влажными от пота.

Где-то за стеной, в палисаднике, тихо мяукнул соседский кот Васька — он давно уже считал дом священника своей второй столовой. Алексей усмехнулся, вставая с узкой кровати. «Ишь, распорядок», — подумал он, натягивая вязаный свитер, который ему ещё три года назад подарила какая-то бабушка из прихода.

Сон не отпускал. Запах масла и соломы всё ещё стоял в носу, перебивая привычный аромат ладана, который вьелся в стены его дома за эти месяцы. «Закрытая дверь», — вспомнил он вчерашнее видение на больничном крыльце.

Он умылся холодной водой из рукомойника, прочитал утренние молитвы, стоя на коврике перед киотом, и покормил Ваську, который уже тёрся у форточки своим наглым рыжим боком. Кот недовольно фыркнул на скудный корм — видно, ждал чего-то повкуснее, — но есть всё равно начал.

— Потерпи, друг, — тихо сказал Алексей, надевая пальто. — Сегодня не до тебя.

Он вышел на крыльцо. Воздух был свежим, пахло мокрой землёй и первыми заморозками. Старая яблоня в палисаднике стояла почти голая, только на верхних ветках ещё держались несколько сморщенных яблок. Алексей посмотрел на небо — серое, низкое, с тяжёлыми тучами, которые ползли с запада.

«Господи, — мысленно произнёс он, — если это Твой знак — дай мне понять. Я не хочу лезть туда, куда меня не звали. Но если там правда беда...»

Он не договорил. Потому что внутри что-то дрогнуло — тихое, но уверенное, как удар колокола в далёкой церкви. И он понял: сегодня нельзя просто идти на службу. Сегодня нужно идти в больницу.

Он не стал сразу идти в храм. Вместо этого он взял зонт — небо обещало дождь — и пошёл в больницу.

Вера Павловна уже была в ординаторской, надкусывая сухой бутерброд и глядя в историю болезни. Увидев священника, она только вздохнула и сняла очки.

— Серёжа ваш спит, — сказала она без приветствия. — Давление стабилизировалось. Но сотрясение серьёзное. Если бы его привезли на час позже...

— Вера Павловна, а где его нашли? — тихо перебил Алексей.

— На ферме. В районе старых складов. Милиция уже составила протокол, упал с высоты. Что вы, отец Алексей, как маленький?

— Спасибо, — кивнул он. — Просто хочу помолиться рядом с ним.

— Молитесь, — махнула она рукой. — Только не будите. Ему сейчас сон важнее всего.

Алексей кивнул и вышел из ординаторской. Но в палату к механизатору он не пошёл. Он свернул в длинный коридор

хирургического отделения, где в конце, у окна, сидел дедушка Степаныч. Степаныч лечился здесь уже третью неделю от гипертонии, скучал по своему огороду и считал, что вокруг него одни дураки. Он сидел в кресле у окна, закутанный в старый шерстяной плед, и смотрел, как по стеклу бегут первые капли дождя.

— Батюшка, — проворчал Степаныч, увидя Алексея. — Опять за Серёжкой? Хороший парень, только дурной. Мать его, царство небесное, всё плакала, когда его привезли. Говорила — не ходи ты, Серёжка, на эту ферму, не нравится мне Кузьмич. А он — мама, да мама, я сам разберусь. Вот и разобрался.

— Здравствуй, Степаныч, — Алексей пододвинул стул. — Скажи мне, старина, а ты давно на этой ферме был? В смысле, на старой, где склады?

Степаныч прищурился, его взгляд стал хитрым и внимательным.

— А что?

— Мне кажется, Серёжа упал не просто так.

Старик хмыкнул, покосился на дверь, словно боясь, что его услышат, и тихо сказал:

— Там старый ветблок стоит. Закрыт года три. Крыша течёт. Но Кузьмич в прошлом месяце сказал, что там будут стройматериалы хранить. Доски, цемент. Только вот зачем стройматериалы в закрытом сарае, если лесопилка у него на глазах работает? И ещё... — Степаныч понизил голос, и его

морщинистое лицо стало серьёзным. — Пашку, Кузьмичова-то, я вчера вечером на «Ниве» видел. Еле из кювета вытаскивал. А Пашка весь в масле был, как свинья в помоях. И ругался страшно. Матерился так, что у меня аж в ушах зазвенело. А потом, как увидел меня, заткнулся. Спросил — ты чего тут делаешь, старик? А я говорю — иду домой, чего тебе. А он мне: «Смотри, дед, язык у тебя короткий должен быть». Понял?

Алексей почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Понял, Степаныч. Спасибо тебе.

— Ты, батюшка, того... — старик вдруг схватил его за рукав, и в его глазах мелькнул страх. — Ты не лезь туда. Кузьмич — он ведь не один. У него брат в районе, Мишка, тот вообще... того. Говорят, в молодости людей в лесу хоронил. Ты лучше за Серёжку молись.

— Помолюсь, Степаныч. Обязательно помолюсь.

Алексей перекрестил старика, поправил ему плед и вышел. В коридоре он остановился, прислонился спиной к холодной стене и закрыл глаза.

«Господи, — мысленно произнёс он, — я не хочу быть сыщиком. Я не хочу лезть в чужие дела. Но если этот парень правду говорит... если там правда беда...»

Он открыл глаза. И вдруг понял — он уже принял решение.

На улице лил мелкий, противный дождь. Алексей шёл по размокшей дороге, и его пальто быстро промокло насквозь.

Ферма находилась на окраине села, за старым кладбищем, и путь туда лежал через поле, где когда-то был колхозный сад. Теперь от него остались только одичавшие яблони да заросли смородины, которую никто не собирал уже лет десять.

Ферма появилась из дождя внезапно. Старый кирпичный ветеринарный блок стоял особняком, заросший крапивой в человеческий рост. Массивная деревянная дверь была заперта на висячий замок, но Алексей, подойдя ближе, заметил то, что ускользнуло бы от любого постороннего.

На земле, в грязи, лежал обрывок синей изоленды. А на ржавой петле двери — свежие, блестящие царапины, будто замок недавно снимали и торопливо вешали обратно.

Алексей огляделся. Ни души. Только дождь стучал по железной крыше сарая неподалёку, да где-то вдалеке каркала ворона. Он достал из кармана платок, аккуратно подцепил им обрывок изоленды и спрятал в другой карман пальто. Затем он подошёл к двери и принялся. Сквозь запах сырости и прелой соломы явно пробивался резкий, химический запах — растворитель или бензин.

«Закрытая дверь», — вспомнил он свой сон.

Он обошёл здание. С другой стороны было маленькое окошко, забитое досками, но одна доска была оторвана — совсем недавно, дерево на изломе было светлым. Алексей заглянул в щель. Внутри было темно, но он разглядел очертания каких-то ящиков, бочек, а в глубине — что-то большое, накрытое брезентом.

И вдруг он услышал звук.

Тихий, едва различимый стон.

Алексей замер. Сердце ударило в виски. Он прижался ухом к доске и затаил дыхание.

Снова — стон. Тихий, хриплый, как в его ночном сне.

«Господи, — мысленно произнёс он, — там кто-то есть».

Он отступил на шаг. Руки дрожали. Он был священником, а не героем. У него не было ни оружия, ни подготовки. Он не знал, что делать. Но он знал одно — если он уйдёт сейчас и позовёт помощь, а там кто-то умирает, это будет на его совести.

«Нет, — твёрдо сказал он себе, — я не могу уйти».

Он не стал ломать дверь. Он просто достал мобильный телефон, набрал номер и стал ждать под дождём. Голос в трубке отозвался не сразу — на том конце долго гудело, потом раздался сонный голос:

— Слушаю...

— Игорь Николаевич, — тихо, но твёрдо сказал Алексей.

— Это отец Алексей. Приезжайте на старую ферму. Срочно.

— Батюшка? — в голосе участкового проснулось недоверие. — Вам-то там чего? Что случилось?

— Приезжайте, Игорь. Пожалуйста. Я объясню на месте.

Он отключился и снова прижался ухом к щели. Стон прекратился. Только дождь стучал по крыше, да где-то внутри скрипела крыса.

«Живой, — подумал Алексей. — Значит, живой».

Через двадцать минут к ферме подъехала старая «Волга» с мигалкой. Из неё вышел старший участковый Игорь Макаров — мужчина лет сорока, с тяжёлым, одутловатым лицом и глазами, которые видели в этой деревне слишком много, чтобы во что-то верить. Он был в гражданской одежде — потёртых джинсах и куртке-ветровке, — видно, его подняли с постели.

— Отец Алексей? — удивлённо спросил Макаров, вылезая из машины. — Вам-то тут чего? Мокнете ведь.

— Игорь Николаевич, — тихо сказал Алексей, не прячась под зонтом. — Откройте дверь.

— Батюшка, у меня отчётность, у меня... — Макаров махнул рукой. — Там Кузьмич доски хранит, ну их. Что за срочность такая?

— Там кто-то есть, — ровным голосом сказал Алексей. — Я слышал стон.

Макаров замер. Его лицо медленно изменилось — из сонного оно стало настороженным.

— Вы уверены?

— Уверен. Откройте дверь, Игорь. Пожалуйста.

— Батюшка, вы понимаете, что будет, если там никого не окажется? Кузьмич мне потом всю плешь проест...

— Откройте дверь.

В голосе священника было столько спокойной, непоколебимой силы, что Макаров, хмыкнув, полез в карман за связкой ключей. Замок щёлкнул.

Внутри было темно. Макаров включил фонарик на телефоне. Свет выхватил горы мусора, старые бочки, а в глубине — свежий, аккуратно сложенный штабель медных катушек и новенький бензиновый насос. Рядом, на куче соломы, темнело бурое пятно. И валялся второй конец синей изоленды.

А за брезентом, на старых носилках, лежал человек.

Руки и ноги его были связаны той самой синей изолендой, рот заклеен скотчем. Он был жив — глаза его были открыты, и в них стоял такой ужас, что Макаров тихо выругался.

— Сволочи, — выдохнул он. — Кузьмич со своим оболтусом... Они же его убить могли.

Алексей подошёл ближе. Человек на носилках был старым, худым, с седой щетиной на подбородке. Одежда на нём была рваной, грязной, а на лице — синяки.

— Это кто? — тихо спросил Алексей.

— Не знаю, — Макаров уже доставал рацию. — Но я его видел где-то... Вроде из соседнего района. Или из города...

— Они его связали, когда он их застукал, — ровным, без гнева, но и без жалости голосом сказал Алексей. — А потом сбросили с сеновала Серёжу, чтобы списать на несчастный случай. А этого — держат здесь. Вы бы закрыли глаза, Игорь Николаевич? Сказали бы: «Кузьмич — человек уважаемый, хозяйство поднимает, а пацан сам виноват, лез некуда»?

Макаров посмотрел на священника. В его усталых глазах мелькнуло что-то похожее на стыд.

— Я бы... я бы подумал, отец Алексей. Честно. Подумал

бы.

— А теперь не думайте, — Алексей достал из кармана платок с обрывком изоленды. — Вот вам улика. И вызывайте опергруппу из района. Серёжа в больнице. Он выживет. Но если вы сейчас это спустите на тормозах, в следующий раз они не сбросят его с сеновала. Потом будет хуже.

Макаров кивнул, доставая рацию. Потом он посмотрел на связанного человека, на его испуганные глаза, и тихо сказал:

— Простите, дядя. Сейчас мы вас освободим.

Он достал нож и аккуратно разрезал изоленду на руках. Человек не сразу пошевелился — только когда руки освободились, он начал дрожать всем телом. Макаров снял скотч со рта.

— Кто вы? — тихо спросил он.

— Я... я из города... — хрипло произнёс человек. — Я приехал... медь сдать... Они меня...

— Всё, всё, — Макаров положил ему руку на плечо. — Поехали в больницу. Потом расскажете.

Алексей отошёл в сторону. Он смотрел, как Макаров, этот уставший, циничный мужик, который ещё час назад не хотел сюда ехать, теперь бережно поддерживает связанного человека, как говорит с ним тихо, успокаивающе. И Алексей понял — вот ради этого всё и было. Не ради славы, не ради раскрытия преступления. А ради того, чтобы в мире оставалось хоть немного милосердия.

К вечеру дождь прекратился. Отец Алексей сидел у по-

стели Серёжи. Парень наконец открыл глаза. Он посмотрел на священника мутным, испуганным взглядом.

— Батюшка... — прохрипел он. — Я их видел... Я не хотел...

— Тихо, Серёжа, тихо, — Алексей мягко положил ладонь на его плечо. — Всё уже кончилось. Правда вышла.

— А как вы узнали? — удивлённо прошептал парень. — Я же никому не сказал. Я боялся...

Алексей лишь чуть смущённо улыбнулся.

— Бог в мелочах, Серёжа. Спи.

Серёжа закрыл глаза, но через минуту снова открыл их.

— Батюшка... а тот дядька, которого вы нашли... он живой?

— Живой, Серёжа. Живой.

— Слава Богу, — прошептал парень и снова уснул.

Алексей перекрестил его и вышел из палаты.

В коридоре он столкнулся с Верой Павловной. Она смотрела на него по-новому. В её цепком взгляде больше не было скепсиса.

— Макаров мне только что звонил, — сказала она сухо, но в её взгляде появилось что-то тёплое. — Кузьмича забрали. Насос изъяли. И того мужика из города — тоже в больницу, только в районную. Вы, отец Алексей... вы опасный человек.

— Я просто священник, Вера Павловна, — тихо ответил он, направляясь к выходу. — Я люблю свою паству.

— Паству, — повторила она, и в голосе её мелькнула

усмешка. — У вас, батюшка, паства широкая получилась. И больные, и бандиты, и мужики из города.

Алексей улыбнулся и вышел на крыльцо. Воздух был чистым, пахло мокрой землёй и озимыми. Алексей перекрестился на потемневшее небо. Внутри у него было спокойно. Но он уже знал, что это только начало. Что в этом районе, в этих старых домах и тёмных лесах, ещё много закрытых дверей. И у него теперь есть ключи от них.

Возвращаясь домой, он застал у калитки тётю Дусю, соседку через забор. Она стояла с закутанной в платок головой и держала в руках узелок.

— Батюшка, а я к тебе, — ворчливо сказала она. — Опять, поди, не ел ничего? Пирожков принесла, с капустой. И кот твой, разбойник, опять у меня сметану лакал.

Алексей улыбнулся, принимая узелок.

— Спасибо, тётя Дуся. А Ваське скажи, что я с ним поговорю.

— Тоже мне, разговорщик, — фыркнула она, но глаза у неё были добрые. — Ты, отец Алексей, того... осторожнее. Говорят, Кузьмича забрали. Он ведь не один был. У него брат в районе...

— Разберёмся, тётя Дуся. Разберёмся.

— Ох, батюшка, — она вздохнула и перекрестилась. — Ты только не лезь больше никуда. А то ведь недобрые люди есть.

— Разберёмся, тётя Дуся, — повторил он мягко. — Гос-

подь не оставит.

Он зашёл в дом, поставил чайник на остывшую печку, отломил пирожок и бросил его Васке, который уже сидел на пороге и требовательно смотрел в окно. Кот недовольно мякнул — пирожки он не любил, — но всё равно съел.

Алексей сел за стол, раскрыл Евангелие и стал читать. За окном темнело, и в маленьком домике становилось всё теплее — и от печки, которую он наконец-то как следует протопил, и от той тихой, почти незаметной радости, которая приходит, когда знаешь: день прожит не зря.

Он читал про милосердие, про то, как Христос исцелял больных и прощал грешников, и думал о том, что сегодня он тоже немного прикоснулся к этому милосердию. Не потому что он такой умный или смелый. А потому что Бог дал ему увидеть то, что другие не заметили.

Но где-то в глубине души он уже чувствовал — следующее испытание не заставит себя ждать. И оно будет другим. Не таким, как это. Более тихим. Более страшным. Таким, где зло будет не в чужой жадности, а в чужой любви.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.